

Темушев В. Н. Гомейская земля в первые годы после возвращения в состав Великого княжества Литовского (1535—1560 гг.) / В. Н. Темушев // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — С. 96—108.

В. Н. ТЕМУШЕВ

ГОМЕЙСКАЯ ЗЕМЛЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В СОСТАВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (1535—1560 гг.)

Гомей был отвоеван войсками ВКЛ во главе с гетманом Юрием Николаевичем Радзивиллом 16 июля 1535 г. в ходе так называемой Стародубской войны (1534—1537 гг.) [7, с. 225; 8, с. 68; 19, с. 131; 23, с. 143]. Возвращение города со всеми волостями в состав ВКЛ было официально утверждено московско-литовским договором о пятилетнем перемирии 18 февраля 1537 г. [26, № 164, р. 210—213]. Условия договора о перемирии носили временный характер, и вопрос о принадлежности Гомья поднимался еще неоднократно до середины XVI в. в процессе московско-литовских переговоров [16, № 9, с. 155—158; № 18, с. 278—279, 283—284]. Также и внутренняя ситуация, сложившаяся в Гомейской земле, оставляла сомнения в прочности владения ею властями ВКЛ.

Интеграция Гомейской земли в состав ВКЛ представляла собой сложный процесс, отягощенный негативной деятельностью представителей центральной власти — наместников-державцев — и опасностями пограничного положения. Исследование этого периода истории юго-восточной окраины Беларуси представляет значительный интерес. К настоящему времени лишь в нескольких работах, описывающих историю Гомеля, обращено внимание на его положение после возвращения в состав ВКЛ [4, с. 13—15; 10, с. 96—100; 19, с. 140—151]. В них раскрыта деятельность первых гомейских наместников-державцев и определен территориальный состав образованного в 1535 г. Гомейского староства (термин «староство» более характерен для XVII в.). В качестве отдельной проблемы ситуация в Гомейской волости, сложившаяся после 1535 г., не рассматривалась. В некоторой степени это связано с ограниченностью источниковой базы (материалы метрики ВКЛ и посольские книги). Тем не менее новые публикации книг Метрики

Цемушаў Віктар Мікалаевіч — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук

ВКЛ и обнаруженные в архивах документы * позволяют гораздо шире взглянуть на обозначенную проблематику.

Сохранявшееся пограничное положение Гомейской земли, испытавшей к тому же довольно значительный период московского управления (в течение которого выросло новое поколение людей), требовало от центральных властей ВКЛ весьма осторожного отношения к возвращенным землям. Ряд мероприятий действительно свидетельствует о подобном стремлении. Условно их можно разделить на несколько групп. 1. Действия центральных властей ВКЛ по поддержанию лояльности населения. 2. Контроль над деятельностью наместников-державцев. 3. Укрепление в пограничной зоне шляхетского землевладения и, в целом, военно-служилого сословия — опоры великокняжеской власти на местах. На восточной окраине государства не сложились очаги крупного землевладения (исключение — Стрешинская волость — собственность Виленской капитулы), и почти весь массив Поднепровских и Подвинских волостей представлял собой господарские владения, в которых функции управления возлагались на наместников-державцев. Эти представители великокняжеской власти обеспечивали функционирование административной и судебной систем, выполнение разного рода повинностей и сбор налогов [9, с. 300—301]. Наместники-державцы были обязаны заботиться о соблюдении прав и защите населения, но в то же время понуждать его к выполнению повинностей, осознавая при этом, например, в отношении Гомья, «иж тот замок на украине есть, а к людемь украиннымь треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чомь обьяжэня чинити» [6, с. 36; 15, л. 188]. Однако реальное управление восточными землями ВКЛ на местах было далеко от идеала.

Уже 21 сентября 1535 г., вскоре после освобождения (16 июля), Гомей в держание «до воли господарской» получил князь Александр Андреевич Сангушко-Коширский [14, л. 69—69 об.; 26, № 13, р. 66]. Как отмечено в самом привилее, данному пожалованию способствовал наивысший гетман ВКЛ пан Юрий Николаевич Радзивилл. Интересно, что после взятия Гомья гетман рассчитывал на получение города в держание сыном Николаем и даже просил виленского воеводу, канцлера пана Ольбрахта Мартиновича

Гаштольда, о передаче своей просьбы королю [17, № 80, с. 174]. Гаштольд действительно «о том господарю его

* Автор выражает благодарность Р. А. Олехнович и А. А. Скепьян за предоставление материалов из Главного архива древних актов в Варшаве (AGAD).

97

милости мовил», но король Сигизмунд решил не спешить, а потом, когда сам будет в Литве, вместе с паном виленским (Ю. М. Радзивиллом), если на то будет его желание, рассмотреть данную просьбу [17, № 80, с. 174]. Однако, как видно, вскоре сам Ю. М. Радзивилл от своей идеи отказался. Причина тому, вероятно, кроется в том, что Гомей оставался окраинным замком, на опасной московской границе, в разоренной войной местности. Конечно же, такой уряд (должность) трудно желать сыну.

По словам Л. А. Виноградова, через месяц после взятия Гомья король поручил гетману Ю. М. Радзивиллу по его усмотрению определить для волости мыто и дани [4, с. 13]. Очевидно, Гомельской землей первое время распоряжалась военная администрация, уже в сентябре 1535 г. сменившаяся гражданским управлением в лице державцы. Из доходов последнего изымались дани грошовая, медовая, бобровая и куничная, то есть то, что обычно и с других господарских волостей шло в великокняжескую казну [14, л. 69—60 об.; 26, № 13, р. 66].

Несмотря на протекцию одного из самых влиятельных вельмож государства, князь А. А. Коширский распоряжался Гомьем совсем недолго. 27 мая 1536 г. «замокъ наш Гомей со вьсимъ» король Сигизмунд Старый пожаловал уже «до живота» в держание князю Василию Юрьевичу Толочинскому [14, л. 195—196; 26, № 149 (147), р. 158]. Решение о передаче Гомья князю было принято благодаря его верной службе и по желанию панов рад. В. Ю. Толочинский получал доходы от Гомья и всего, что к нему относилось, в том же объеме, каким обладал князь Семен Иванович Можайский при короле Казимире (речь не шла о правах удельного правителя). Правда, и в данном случае грошовая, медовая, бобровая и куничная дани должных были оставаться господарю, и, вообще, по формуляру грамоты не заметно особых отличий в условиях распоряжения Гомьем от тех, которые получил А. А. Коширский. Интересно, что в случае с князем Василием к аналогичной фразе обеих грамот («мает ... тотъ замокъ нашъ Гомей держати и на немъ ся рядити и справовати з добрымъ а пожиточнымъ нашимъ г(о)с(по)д(а)рьскимъ») приписано: «и без обьтяженъя подданных наших тамошних» [14, л. 69 об., 195 об.; 26, № 13, р. 66, № 149 (147), р. 158]. Не это ли явилось причиной «отставки» предыдущего наместника державцы?

Кроме того, судя по тексту первого привилея, гомейские подданные не были избавлены после перехода под власть ВКЛ от внесения традиционных плат господарю. А в 1536 г. обнаружилось, что «тыи платы и пожитки» они начнут давать только после того, как пройдут те годы, на

98

которые их «вызволили». При этом державца мог брать сполна все «доходы и пожитки», что ему полагались «подле давного обычаю» [14, л. 195; 26, № 149 (147), р. 158]. Видимо, после занятия Гомья экономическое положение города и волости было определено не сразу. К тому же свою роль сыграли злоупотребления первого наместника. В связи с этим на какое-то время (на 10 лет) господарь поступился своими интересами в пользу восстановления края и сохранения лояльности его населения.

Однако деятельность нового наместника не могла способствовать экономическому росту и формированию положительного отношения населения к власти ВКЛ. Из письма короля Сигизмунда Старого виленскому воеводе, канцлеру пану Ольбрахту Мартиновичу Гаштольду, от 18 июня 1537 г. узнаем о широкомасштабных злоупотреблениях князя В. Б. Толочинского, которые тот успел совершить за год с небольшим своего управления в Гомье [6, с. 33—37; 10, с. 196—199; 15, л. 186 об.—189; 18, с. 50—52].

Судя по действиям князя Толочинского, он воспринимал свою должность как источник личного обогащения, совершенно не задумываясь о необходимости бережного отношения к территории, совсем недавно отнятой у Москвы. Впрочем, поведение князя можно понять. В то время еще шла война, результат которой был неясен. В ходе ряда предыдущих войн с Москвой ВКЛ в основном только теряло свои территории. Естественным стремлением новоявленного наместника было извлечь наибольшую выгоду из волости, которая, вполне возможно, снова вернется под московскую власть. В подчиненных землях князь Василий старался не задерживаться, а уезжал «з Гомя до именей своих» [15, л. 187 об.], чего согласно обязанностям державцы ни в коем случае не должен был делать. Прежде всего новый державца, вероятно, в первые же дни своего приезда в Гомей отобрал у пришедших к нему мещан грамоты, освобождавшие жителей волости от грошовой, медовой, бобровой и куничной даней, подвод, серебрящины и других плат и повинностей на 10 лет (очевидно, предназначенных господарю), а также от работ на замок (кроме совсем мелких) на 1 год [15, л. 186 об.]. Очевидно, в намерение Толочинского входило собирать, использовать и присваивать те платы и повинности, которые должны были идти в доход великого князя! В тот же год державца стал требовать выполнения различного рода работ, на некоторые из которых мещане вынуждены

были нанимать людей. Так, установка еза (перегорода частоколом русла реки) стоила им 30 коп грошей, постройка гридни и стайни, соответственно, 5 рублей и 4 копы грошей [15, л. 186 об.—187]. Князь присвоил бобро-

вые берега и озера, а также 100 битых бобров, отнял «отчизный» бортные земли, из за чего их владельцы «проч оттол пошли» [15, л. 187]. А когда князь Василий «в объезде ездил и дан(ь) и тивуновъщину з них брал» (то есть собирал по волости традиционные поборы) было отнято 12 коп грошей и меда пресного на 10 коп грошей, из за чего «семь сел людей от того для великого обътяжения прочь пошло» [15, л. 187]. Неслыханным нововведением было требование поставок сена, которого «тамошние» люди накопили 500 возов «и незносную тяжесть в том приняли» [15, л. 187]. Тяжелые условия были созданы для приезжающих в Гомей с зерном («зъбожем») и «з ыншими речми» купцов (гостей). Для них были введены высокие торговые пошлины («мыта великие»), и в итоге они попросту перестали ездить в Гомей, а жители стали испытывать недостаток в «живностях» [15, л. 187].

И тогда к королю и великому князю было отряжено несколько человек с жалобой на державцу. Но по дороге их переняли, побили, ограбили и посадили в вежу, отняв 16 коп грошей и 20 бобров (которые, очевидно, были взяты с собой) и возложив вину аж на 200 коп грошей [15, л. 187]. Узнав об этом от других челобитчиков, но не желая принимать поспешного решения, Сигизмунд отправил в Гомей дворянина Ивана Григорьевича, целями поездки которого был сбор сведений о «кривдах и тяжкостях и грабежах» державцы и содействие возвращению отнятых денег и вещей и главное — «вызволеньных» грамот [15, л. 187—187 об.]. Последней своей цели королевский дворянин не добился и даже еще более усугубил ситуацию, так как князь Василий не только ничего не отдал, но еще и поймал жен и детей сидящих в заключении челобитчиков и потребовал с них дополнительно 120 коп грошей. В то же время вернулся ко двору Иван Григорьевич со списком («реистром») дел державцы, а также подоспело и второе посольство от мещан и волостных людей [15, л. 187 об.].

Король намеревался было «тот замок н(а)шь зь рукъ его (князя Василия. — В. Т.) взяти и иньшого державцу хто бы ся нам на то годный бы видел там послати», однако, согласуясь с волей панов рад и мнением виленского воеводы, решил пока оставить прежнего державцу. При этом Сигизмунд указал Гаштольду на то, что «тот замокъ за великимъ накладом къ рукамъ н(а)шимъ пришол», а державца, невнимательно отнесясь к господарскому имуществу («на реч н(а)шу г(оспо)д(а)рьскую и земскую бачности не маеть»), начал разорять людей, отбирать их земли и грамоты, привлекать к замковой работе, хотя стоило подождать год, и гомельские люди должны были эти работы выполнить «водле

слушног(о) обычаю». При этом сам король, заботясь о населении приграничной зоны, чтобы оно оправилось и пополнилось новыми пришлыми людьми, на 10 лет отказался от всех плат в свою пользу («мы сами им фолкгуючи вси платы н(а)шы до десяти год отпустили») [15, л. 187 об. — 188]. Конечно же, под управлением князя Василия люди, которых довольно много осталось в волости после военных действий, не только не оправились, но и пошли прочь. Из уст короля и великого князя Сигизмунда Старого прозвучало поучение, предназначенное державце: «Сам он могъ бы тому розумети, иж тот замок на украине есть, а к людемъ украиннымъ треба ся ласкаве заховати и не годиться им ни в чомъ обътяжения чинити. Нижли коли бы ся они запомогли и добре там укрунтовали, мог бы тымъ намъ г(оспо)д(а)ру пожиток привлащыти и собе теж знаючи по часу пожитокъ з них мети» [15, л. 188].

Чтобы исправить положение, сложившееся в Гомейской волости, туда был направлен дворянин королевы Боны Мартин Пацотковский. Также виленский воевода обязывался «дать науку» князю Василию, который должен был впредь быть дальновиднее, отказаться от злоупотреблений («уперод лепшую бачность на нас г(оспо)д(а)ря и на реч земскую мель, ослушне а радне на томъ справовал и такового обътяжения людем тамошнимъ украиннымъ не делал»), отдать грамоты «на вызволене даней и платовъ», отобранное возратить, за построенные «хоромы» заплатить и больше их не делать, жен с порук освободить и «вин» с них не брать, земли и озера вернуть. По всем этим делам державца отчитывался перед дворянином королевы Боны [15, л. 188 об.]. Фактически деятельность князя Василия была поставлена под прямой контроль со стороны королевского представителя.

Но, кроме того, еще два действия, в общем-то ограниченного в своих возможностях короля Сигизмунда, могли в значительной степени умерить произвол гомейского наместника державцы.

В качестве особой привилегии Гомейской волости для ее населения было сохранено право самостоятельно избирать старца — главу общинной организации [5, с. 98]. («А што ся дотычеть старца, хто бы мел старчество у той волости заведати, ино которого ч(е)л(о)в(е)ка волост на старченство выбереть, тот нехай старцомъ у них будеть» [15, л. 188 об.]). Таким образом, из рук державцы изымался контроль (через своего ставленника) за жизнедеятельностью общины.

Оставив на месте не справлявшегося со своими обязанностями урядника, король обеспечил своеобразную гарантию от дальнейших его злоупотреблений. За возможные «шкоды» Гомелю, причиненные князем

Василием, должен был отвечать виленский воевода Ольбрахт Гаштольд. («И того б(о)же не дай, если збытъки а неслушную справою его мел оный замок н(а)шъ, который за немалым накладомъ нам ся достал ку какой шкоде прийти, мы того всего хочемъ на твоей м(и)л(о)сти смотрети») [15, л. 188 об.—189].

Как долго еще оставался гомейским державцей князь В. Ю. Толочинский, сказать трудно, однако 13 февраля 1538 г. он как будто получил другой уряд — оршанского (рошского) державцы. К тому времени прежний державца князь Федор Иванович Жославский находился при смерти и не мог исполнять свои обязанности. Он дал знать о своем состоянии князю Василию, чтобы тот ходатайствовал о получении его должности. Паны рада и сами видели, что украинный замок Орша (Рша) требует «державцы чуиноного и справъного», а узнав, что Толочинский готов занять эту должность, стали просить о ней короля [27, № 94, р. 156]. Так, невзирая на предыдущую деятельность, князь Василий получил в держание еще и Оршу. В ней он был обязан «верне а справедливе нам (королю. — В. Т.) служыти и к подданым naszymъ тамошьнимъ без ихъ обтяжьливости заховати» [27, № 94, р. 156]. Князь получал те же функции, права и доходы, что и предыдущие державцы.

Что касается Гомья, то король намеревался «его по тому в держанье дати, кому будь воля наша г(о)с(по)д(а)рьская» [27, № 94, р. 157]. Очевидно, город Василий Толочинский должен был оставить. Однако еще в августе 1538 г., то есть спустя более чем полгода, он по-прежнему воспринимался как гомейский державца. 20 августа 1538 г. король и великий князь Сигизмунд I Старый отправил Василию Юрьевичу Толочинскому грамоту, в которой заявил об очередных проступках князя и даже о назревании среди гомейских пушкарей заговора, грозившего возвращением замка под московскую власть [21, л. 37]. Как стало известно королю от пана виленского, наивысшего гетмана Юрия Николаевича Радзивилла, князь Василий получил деньги, чтобы нанять роту в сто коней, но этого не сделал и притом стал жить в войске, «пробачивши тот замок наш украинны, который завжды того потребуе, абы державцы нигде с него не з(ь)ежал» [21, л. 37]. В то же время из-за «непильности» державцы некоторые гомейские пушкарники задумали «здряду», стали собираться и совещаться со стародубцами, и прежде всего, с каким-то стародубским попом. В связи со всем этим король «под великою немилостью» приказывал, чтобы князь В. Ю. Толочинский деньги пану виленскому «з рук своих здал», а сам «днем и ночью на тот замок н(а)шъ ехал», разобрался с заговорщиками и на-

казал их. В Гомей должны были быть набраны другие пушкарники. Сигизмунд настаивал, чтобы впредь князь «с того замка н(а)ш(о)го николи не зьежчал а обецны на нем мешкал и послуг г(оспо)д(а)рских там пилен был» [21, л. 37].

Таким образом, становится ясно, что в то время другого держания князь Василий Толочинский не имел, да и не мог иметь, так как должен был постоянно находиться в одном месте. Но все же зимой_весной 1538/39 г. было принято окончательное решение о переводе князя в Оршу.

Весной 1539 г. В. Ю. Толочинский находился в Орше. При этом, согласно королевскому привилею от 30 апреля 1539 г. на держание замка Орши «до живота», князь не выслал королю аналогичную грамоту на держание замка Гомейского, то есть, по сути, намеревался им по-прежнему управлять. Своим новым распоряжением король аннулировал привилей Толочинского на Гомей, а также обозначил некоторые новые условия управления князя в Орше. Державца обязан был «своимъ накладомъ и людми своими» восстановить и обеспечить замок («добре заробити и его справити такъ, яко того есть потъреба»). В противном случае князь лишался должности [27, № 182, р. 254]. Судя по всему, Толочинский выполнил распоряжение короля, так как оставался оршанским державцей до 1546 г., когда и умер [22, s. 350].

После Василия Толочинского гомейским державцей стал пан Ян Дорошкевич. Впервые на этой должности он был упомянут в начале 1541 г. [2, № 208, с. 373], но, видимо, Гомей не оставался без управления на протяжении почти двух лет. К весне 1538 г. был либо назначен какой-то другой, остающийся пока неизвестным, державца, либо им уже тогда стал Ян Дорошкевич. Последний держал Гомей до своей смерти (в грамоте 1549 г., адресованной его преемнику, упомянут как «небожчик»). В источниках между летом 1543 — началом весны 1549 гг. назывался уже другой гомейский державца — пан Ян Хрщонович (Хрещенович) [3, № 9, с. 21; 12, № 105, с. 176, № 176—177, с. 243; 16, № 14, с. 216, 219; 22, s. 30]. В хронологию его упоминаний вклинивается указание ряда исследователей на появление в Гомье в 1547 г. (даже с точной датой — 6 сентября) нового державцы — Оникае Горностая [4, с. 14; 10, с. 99; 20, с. 175; 22, s. 87]. Последний «добровольно» поменялся местами с Яном Хрщоновичем после конфликта с черкасскими боярами и мешанами [20, с. 175]. Однако в грамоте от 15 марта 1549 г. король Сигизмунд Август обращался еще к «державцу Гомейскому пану Яну Хрщоновичу» [3, № 9, с. 21]. К декабрю 1550 г. последнего снова сменил Они-

кей Горностаи [16, № 21, с. 346]. Ян Хрщонович последовательно именовался старостой черкасским и каневским в 1551 г. [11, № 113, с. 152, № 114, с. 154, № 116, с. 156, № 118, с. 159]. Произошла ли в действительности чехарда занятия должности гомейского державцы или налицо хронологическая неточность одного из источников — сказать трудно. Наконец, к 1560 г. — времени составления «Реестра ревизии замка, места и волости староства Гомейского» — Гомей находился в управлении пана Каленика (называл себя Каленицким) Васильевича Тышкевича [10, с. 100; 13, № 91, с. 105; 22, с. 359].

О столкновении интересов гомейских мещан и жителей волости со стремлениями державцев после князя Василия Толочинского пока известий не обнаружено, однако при Яне Дорошкевиче и Яне Хрщоновиче происходил конфликт со священниками — владельцами земель в Гомейской волости. Так, Ян Дорошкевич не допускал священников церкви св. Николы в Гомье за данью к их бортным землям, пожалованным еще князем Семеном Можайским, и отобрал 10 пудов меда из той дани [2, № 208, с. 373]. Кроме того, как выясняется из грамоты, адресованной уже другому державце — Яну Хрщоновичу, «небожчик» Ян Дорошкевич незаконно распоряжался землями той же церкви Севостьяновщиной и Богдановщиной, полученными от того же князя Семена Можайского [3, № 9, с. 21]. Также и Ян Хрщонович священникам церкви св. Николы запрещал въезжать в свои земли, а «пожитки» с них брал на себя [3, № 9, с. 21]. Господарь встал на защиту прав местных землевладельцев и своими распоряжениями оградил церковную собственность от устремлений наместников.

Одним из направлений политики королей и великих князей литовских в пограничной Гомейской волости (активно проявившемся уже в XVII в.) стало поощрение и развитие шляхетского землевладения.

Так, вскоре после освобождения Гомья были возвращены владения дворянам Халецким. Согласно листу короля и великого князя Сигизмунда I Старого от 10 сентября 1537 г. имение «отчизное на имя Халчо и з иншими селы к нему прислухаючими со всимь, яко ся оно здавна в собе мело» должно было быть передано гомейским наместником кн. Василием Юрьевичем Толочинским (а он не хотел его уступать) дворянам Есифу и Остафею Халецким, сыновьям овручского наместника Михаила Михайловича Халецкого [15, л. 232 об.; 22, с. 19; 27, р. 91]. Согласно информации, отразившейся в новгородских гродских книгах, «иншими» селами, которые получили в 1537 г. братья Есиф и Остафей, были Новоселки и Юрковичи [24, с. 19]. Однако в 1560 г. указанные два села

относились к господарской Гомейской волости и Халецким не принадлежали [1, № 100, с. 372—373]. У тех же братьев в районе Гомья кроме Хальча были названы: Сидны (?), Кузмичи, Глыбов, Чарны (Черный), Пененжовичи (Пыреевичи?), а также в Киевском воеводстве Ржищев [20, с. 185; 24, с. 19]. Компактного владения все села не создавали. У Хальча выше по р. Сож лежали Новоселки и Юрковичи. Глыбов и Черный находились рядом, но по разные стороны р. Днепр между Горвалем и Речицей. Кузьмичи располагались далеко за Сожем в восточной части Гомейской волости (к моменту составления «Реестра» 1560 г. это, безусловно, господарское село).

К 1560 г. в районе Горваля и Речицы, за пределами исторической Гомейской волости, сложился комплекс владений Халецких. Василию и Андрею принадлежали «в одном обрубе сел чотыри»: Чоботовичи, Засовье, Кольскевичи и Черные [1, № 100, с. 376]. Выдержки из новгородских книг добавили к этому массиву близлежащее село Глыбов (см. выше), а также назвали у Андрея, Дмитрия и Яна Халецких имения Ржищев (в Киевском воеводстве), Хальч, Черные, Чоботовичи, Черников (?), Пененжовичи (Пыреевичи?), Котры Келбасины (?) [24, с. 19]. В 1581 г. между Андреем и Яном Халецкими осуществлялся обмен Черным, Чоботовичами и Телешовым на Хальч и Глыбов [24, с. 19]. Значит, по крайней мере, еще одно село (Телеш-Телешевичи) присоединилось к комплексу владений Халецких. А возле Хальча, видимо, не так много земель принадлежало его старым владельцам. Грамота неизвестному Юрию Богдановичу Халецкому 1514 г., в которой он был якобы пожалован королем Сигизмундом Августом Старым Селом (возле Хальча), является очевидной подделкой, хоть С. М. Кучинский и приводит различные варианты ее появления [24, с. 20—22].

Утверждение в Гомейской земле землевладения Халецких, безусловно, способствовало более прочной ее интеграции с остальными территориями ВКЛ. Однако в административном плане земли Халецких были выведены из состава Гомейской волости.

Халецкие могли содействовать укреплению обороноспособности Гомейской земли, безусловно, заботясь о своих владениях. Однако основная военная организация Гомья возлагалась на державцу. От него зависели состояние замка, комплектация и обеспечение войска, пограничная служба. В случае с Гомьем свои основные обязанности державцы выполняли небрежно, вовсе оставляли город на произвол судьбы и своей беспечностью способствовали назреванию заговора. Впрочем, судя по материалам московско-литовских посольских книг, ситуация

на границе была относительно спокойной. Ни одна, ни другая стороны не предпринимали масштабных действий, способных нарушить сложившееся равновесие мирного времени.

Московско-литовская граница, с трех сторон окружавшая Гомейскую землю, выделялась своим особым «глухим» характером. Леса, болота, почти повсеместное отсутствие дорог затрудняли наблюдение и контроль за линией границы (которая вряд ли вообще была точно определена), создавали возможности для постоянного проникновения на чужую территорию, грабежей, уводов в плен и т. д. Основная масса пограничных «обид» была связана с захватом и грабежом лесных промыслов и близлежащих поселений. Небезопасной Гомельщина была для купцов и всех, кто следовал по ее лесным дорогам. Свои, гомельские, преступники скрывались в пограничных московских землях и оттуда продолжали тревожить территорию Гомейской волости. Наконец, на пограничье с обеих сторон постоянно происходили «кривды, зацепки и шкоды», за которыми скрывается повседневная жизнь общества того времени.

До 12 июля 1543 г. «человек гомейский» Полозович (Полозов), «шкоды и убытки починивши» в Гомейской волости, сбежал за рубеж и оттуда продолжал совершать злодеяния [16, № 14, с. 216, 219]. В то же время казаки (вероятно, из Черниговского уезда) увели 3 семьи и угнали 100 голов «быдла рогатого» из гомейского с. Слобода (Слободка) [16, № 14, с. 216, 219]. В сентябре 1544 г. с московской стороны поступила жалоба, что «из Гомья приходят розбоем» украинные люди. Они пограбили людей на Черниговской дороге и некоторых убили [16, № 15, с. 224, 230, № 17, с. 259]. В ответ послы ВКЛ заявляли о грабежах купцов и людей, о том, что с московской стороны вступаются в «села, люди, земли и воды» на гомейской территории [16, № 15, с. 230]. В 1550 г. повторилось общее заявление о «кривдах и обидах» от московских «украинных» людей [16, № 20, с. 336], а московской стороной был составлен подробный «Список обидных дел» [16, № 21, с. 345—347]. В основном речь шла о грабежах и захватах лесных угодий (пчелиных бортей и бобровых гонов), но встречались случаи, когда, например, в Горьске (селе Стародубского уезда), гомейские люди сняли с церкви колокол, унесли две книги и 5 больших свечей, увели у попа Нечая 4 мерина. Кража коней также была распространена. Самым значительным событием стал приход людей державцы Оникея Горностая (Ржевского с товарищами) в стародубское село Микуличи и грабеж на 1200 руб. [16, № 21, с. 346—347]. В 1552 г. старосты Гомья и других порубежных городов сообщали королю Сигизмунду Августу о том, что в перемирные годы от москов-

ских городов «великие кривды, зацепки и шкоды стали», а их наместники «управы некоторые <...> в тех делех обидных людем нашим не чинят» [16, № 23, с. 357]. На самом же деле принцип, заложенный в условиях перемирных грамот (князя, наместники и волостели «обидным деломъ у всимъ управу вчынят на обе стороне» [25, № 164, р. 212]), работал. Пограничные споры решались, награбленное возвращалось, виновные наказывались. Значительные конфликты на московско-литовской границе происходили редко. Мирная жизнь налаживалась.

Итак, состояние Гомейской земли после присоединения к ВКЛ характеризовалось крайне сложной внутренней ситуацией, связанной прежде всего с негативной деятельностью наместников державцев и влиянием пограничного положения. Тем не менее деятельность центральных властей (прежде всего короля и великого князя) по облегчению налогового бремени, защите от произвола державцев, соблюдению прав собственности и, конечно же, обеспечению военной защиты населения способствовала постепенному сглаживанию противоречий. Самое главное — Гомельская земля не вернулась под московскую власть, чему существовала реальная угроза. Вопрос о возврате Гомья постоянно поднимался московской стороной в ходе переговоров 40-х гг. XVI в. [16, № 9, с. 155—158, № 18, с. 278—279, 283—284]. Но безрезультатно. Именно тогда Гомельщина становится неотъемлемой составляющей ВКЛ, окончательно отпадает от такого историко-географического региона, как Северская земля (частью которой являлась с древнерусского времени), включается в процесс этногенеза белорусов и в результате присоединяется к государственной территории Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: в 39 т. Вильна, 1865—1915. Т. XIII. 1886.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1846—1853. Т. II: 1506—1544. 1848.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Санкт-Петербург : Археографическая комиссия, 1846—1853. Т. III: 1544—1587. 1848.
4. *Виноградов, Л. А.* Гомель. Его прошлое и настоящее / Л. А. Виноградов. М., 1900. 48 с.
5. *Голубеў, В. Ф.* Сельская абшчына ў Беларусі XVI—XVIII ст. / В. Ф. Голубеў. Мінск : Беларус. навука, 2008. 407 с.
6. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке / М. В. Довнар-Запольский. Киев, 1905. VI, 307, 167 с.

7. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. / М. М. Кром. М. : Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 320 с.
8. Кром, М. М. Стародубская война (1534—1537). Из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. М. : Издательский дом «Рубежи XXI», 2008. 140 с.
9. Любавский, М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута / М. К. Любавский. М. : Университетская типография, 1892. 884 с.
10. Макушников, О. А. Гомель с древнейших времен до конца XVIII в.: историко-краеведческий очерк / О. А. Макушников. Гомель : РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2002. 244 с.
11. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28 (1522—1552 гг.). Кніга запісаў 28 / Падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат: В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. Мінск : Athenjum, 2000. 312 с.
12. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 30 (1480—1546 гг.). Кніга запісаў 30 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В. С. Мянжынскі. Мінск : Беларуская навука, 2008. 386 с.
13. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга запісаў 44 (1559—1566) / падрыхт. А. І. Груша. Мінск : Арты-Фэкс, 2001. 229 с.
14. Национальный исторический архив Беларуси. КМФ_18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 19.
15. Национальный исторический архив Беларуси. КМФ_18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 21.
16. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II / под. ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического общества: в 148 т. Санкт-Петербург, 1866—1916. Т. 59. 1887. XV, 629 с., 98 стб.
17. Памятники истории Восточной Европы. Monumenta historica res gestas Europae orientalis illustrantia : источники XV—XVII вв. / Федеральная архивная служба России и др.; редкол.: И. Граля [и др.]. М. : Древлехранилище, 2002. Т. 6 : Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / сост. М. М. Кром. 267 с.
18. Памяць : Гістарычна_дакументальная хроніка Веткаўскага раёна / уклад. У. Я. Райскі: у 2 кн. Кн. 1. Мінск : Белта, 1997. 376 с.
19. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. : территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. М. : Квадрига, 2009. 189, [2] с.
20. Яковенко, Н. М. Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна / Н. М. Яковенко. Київ : Критика, 2008. 272 с.
21. Лист от короля Жигимонта I державце гомейскому кн. Вас. Юр. Толочинскому // Archiwum Główny Aktów Dawnych. — Archiwum Potockich z Radzynia. Sign. 295. S. 37.
22. Boniecki, A. Poczet rodów w Wielkim Ks_twie Litewskim w XV i XVI wieku / A. Boniecki. Warszawa, 1887. XV, 425, XLIX s.
23. Kolankowski, L. Zygmunt August, Wielki Ksiąze Litwy do roku 1548 / L. Kolankowski. Lwow : Towarzystwo dla Popierania Nauki Polskiej, 1913. 414 s.
24. Kuczyński, S. M. Rodowód Michała Chaleckiego / S. M. Kuczyński // Miesi-cznik heraldyczny. 1934. № 2. S. 17—23.
25. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Кн. 15 (1528—1538) / Parengė A. Dubonis. Vilnius : Žara, 2002. 442 _.
26. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Кн. 19 (1535—1537) / Parengė D. Vilimas. Vilnius : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 2009. 362 _.
27. Lietuvos Metrika — Lithuanian Metrica — Литовская Метрика. Кн. 20 (1536—1539) / Parengė R. Ragauskienė, D. Antanavičius. Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2009. 442 p.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 10 лістапада 2009 г.